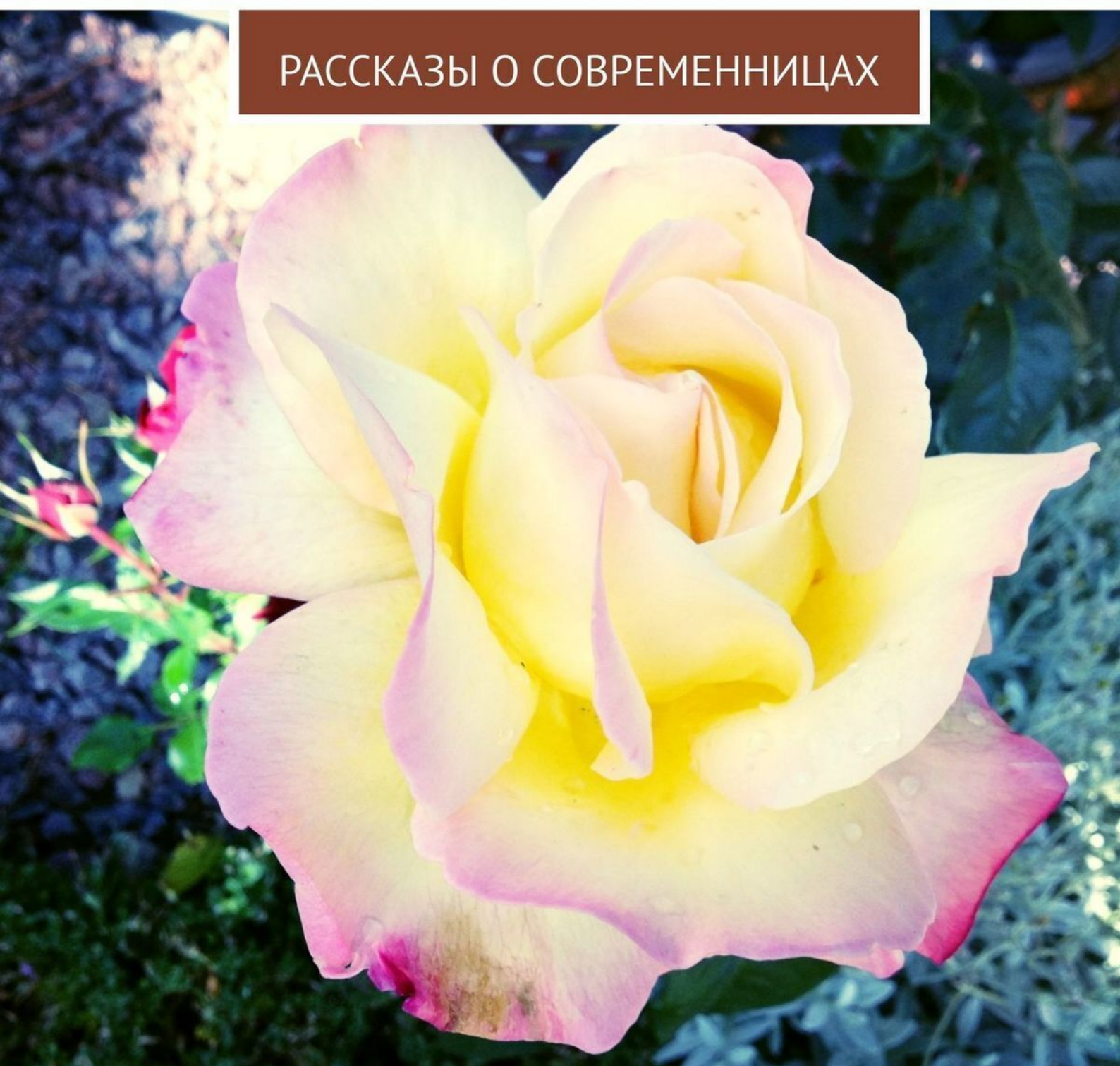

ИРИНА БЙОРНО

Вкус бабьего лета

РАССКАЗЫ О СОВРЕМЕННОЦАХ

Ирина Бйорно

**Вкус бабьего лета.
Рассказы о современницах**

«Издательские решения»

Бйорно И.

Вкус бабьего лета. Рассказы о современницах / И. Бйорно —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741047-6

Вкус бабьего лета — какой он? Бабье лето — короткое, но горячее, неповторимое и незабываемое. Помните Аксинью в «Тихом Доне» Шолохова? Перед вами сборник историй о судьбах разных женщин, очень разных. Истории взяты из жизни, немного переработаны. Все они — о любви, страсти, страдании и о коротком бабьем счастье. Теперь истории ваши. Как в зеркале узнайте себя и своих близких. Эхом отзовутся они в вашем сердце.

ISBN 978-5-44-741047-6

© Бйорно И.
© Издательские решения

Содержание

Богиня	6
Богиня	8
Эстер	13
Милочка	18
Фактор X	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вкус бабьего лета

Рассказы о современницах

Ирина Бйорно

Эта книга посвящается всем женщинам мира

Корректор Людмила Лысяк

Фотограф Ирина Бйорно

Иллюстратор Ирина Бйорно

© Ирина Бйорно, 2023

© Ирина Бйорно, фотографии, 2023

© Ирина Бйорно, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4474-1047-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Богиня

Богиня красоты и счастья!
Благословенная Творцом!
Ты мир спасаешь от ненастья!
Селена с ангельским лицом.

Ты вышла из морей глубоких,
Спустилась ты из небосвода.
Луны загадку прячешь в теле,
И звёзды в волосах
Танцуют хороводом.

Узнай Её в прошедшей мимо
Девчонке, в матери своей,
В сестре, в жене, в улыбке Милой —
Она одна ведь на Земле.

Богиня мудрости и жизни,
Тебя одну избрал Творец!
Он создал Женщину вначале,
Одев в терпения венец.

Порой печальна и грустна —
Ты только нежно приласкай,
И возрождается Богиня,
И распускается Весна!

Ирина Бйорно

Богиня

Рассказ написан в честь моей подруги Пии Сёренсен, которую вы можете увидеть на поздних картинах Сальвадора дали как Венеру

Пия родилась такой красивой, что уже с детства ей все твердили – ты будешь богиней! Её белоснежная кожа, всегда смеющиеся полненькие губы, маленький аккуратный носик, ямочки на кругленьких щёчках и вся её пропорционально-изящная фигурка вызывали у всех людей – знакомых и незнакомых, одну и ту же реакцию – они улыбались, глядя на улыбающуюся малютку с белыми локонами естественно вьющихся густых волос и круглыми глазами-незабудками, и, останавливаясь, восклицали с восхищением – маленькая богиня! И Пия привыкла с детства – к восхищению, обожанию, влюбленности в неё.

В школе ей было нелегко отбиваться от ухаживаний мальчишек, всегда старавшихся пройти и задеть её тело – как бы невзначай, но испытывающих внутреннее восхищение перед этой совершенной девичьей красотой, открытой для всех. Подруги ей тайно и открыто завидовали, так как рядом с ней все казались блёклыми и некрасивыми. А ей это восхищение кружило голову и даже мешало ей познанию мира, так как она не могла понять, интересна ли миру она как Пия или как маленькая богиня.

В 16 лет она участвовала по настоянию мамы в конкурсе красоты и выиграла его без всяких усилий – все члены жюри были под гипнозом её красоты и совершенства, хотя она не прилагала ни малейшего усилия быть красивой – не красилась, не тренировалась и не старалась модно одеваться, но любая одежда сидела на её совершенном теле безупречно и элегантно, а лицо светилось приветливостью и счастьем.

Ей исполнилось уже 17, и её фотографию напечатали многие женские журналы и газеты – как победительницу конкурса красоты, хотя во всей этой шумихе она не чувствовала ни малейшей своей заслуги – просто такой она родилась у мамы с папой. Её сестра хотя и была на неё похожа, но в ней не было того совершенства и отточенности форм, которая была у Пии. Ей досталось – по странной лотерее жизни – быть красивой, и она от этого не страдала. Единственный вопрос, который её занимал – кто же этот совершенный партнёр, божество, совершенство, который составит с ней, Пией, пару в жизни. Как его найти и где? Все молодые люди, которых она знала, боялись к ней подойти – так сильна была её красота, поэтому она была девственницей в своей не нарушаемой ничем и никем красоте. Подружки вокруг неё влюблялись, проводили эксперименты в постели с мальчиками, но Пия оставалась богиней и недотрогой.

После окончания школы она решила провести лето в Париже. Денег у неё хватило только на билет, но Пия верила в судьбу и была готова к приключениям. Она прилетела в Шарль-де-Голль аэропорт, и уже в самолёте вертлявый француз, сидевший рядом с ней, не мог устоять перед красотой Пии и попросил у неё адрес, на что она ответила, что не знает, где будет жить в Париже. Незнакомец-француз тут же предложил ей помощь, на что она вежливо отказалась. Она была уверена, что её ждёт судьба богини. Уверена уже с детства, и она не променяет эту судьбу ни на что!

Она села в такси у здания аэропорта, и водитель, засмотревшись на неё, наконец, спросил, куда везти, а Пия, подумав одну минуту, уверенно сказала:

- В самое знаменитое кафе Парижа!
- На Монмартр? – спросил неуверенно шофер.
- Конечно! – улыбнулась ему Пия так, что тот смутился.

Через полчаса машина остановилась на Монмартре, около знаменитого кафе, где собирались художники, поэты, танцовщики и другие представители неработающей, в обычном смысле, культурной элиты. Все эти знаменитости, живущие и творящие в Париже, собирались

в этом небольшом кафе после обеда, ближе к вечеру, и сейчас, в середине дня, кафе было пустым.

Пия села за столик в центре зала. К ней подбежал официант, любуясь красотой этой не-французенки, и спросил, что ей принести.

– Кафе-о-ле – кофе с молоком, – попросила Пия. Её французский был школьный, но она говорила без сомнения и улыбаясь. Официант кивнул и про себя подумал – какая красotka! Через минуту кофейная машина зафурчала, и запах свежего кофе заполнил небольшой зал. Пия вспомнила, что ничего ещё не ела с утра, и при одной мысли о еде живот её ответил жалобным урчанием. Она чуть покраснела. Эти естественные звуки тела всегда смущали её, так как нарушали картину её перфектности богини.

На столе появилась вместительная чашка горячего кофе с молоком, и она попросила официанта принести ей «гато», помм-дэ-тарт – пирог с яблоками – она его обожала. Ей принесли кусок яблочного торта со сметаной. Она заёрзала на стуле от удовольствия – как маленький ребёнок, и вдруг её пронзила мысль – а хватит ли её скудных денег, чтобы оплатить кофе с пирогом? Она открыла сумочку, достала кошелек и пересчитала свои деньги: в кошельке было десять франков и сто крон.

– Наверное, хватит, – подумала она, по-детски улыбаясь.

Кофе был замечательный, пирог – вкусный, и она, утолив голод, стала рассматривать кафе, где уже несколько столиков были заняты пришедшими посетителями.

Она увидела, что за соседним столиком сидел грузный мужчина с блокнотом в руках и что-то там рисовал. Он иногда вскидывал взгляд на Пию, а потом быстро-быстро чертил в своём блокноте. Перед ним стояла чашка кофе и рюмка с чем-то ядовито-зеленого цвета.

– Абсент! – подумала Пия.

Она читала в книгах об этом полуядовитом напитке, который любила употреблять культурная элита Парижа. Человек оторвал взгляд от своего блокнота и посмотрел на Пию, улыбувшись. Она смутилась от такого наглого рассматривания, но скрыла свои чувства, опустив глаза в чашку с остатками вкусного кофе, так быстро закончившегося.

Тут дверь в кафе открылась, и на пороге показался ещё более странный персонаж – почти гротескный, небольшого роста, сухопарый мужчина с горизонтально торчащими, как проволока, черными, намоленными усами и огромными, выпуклыми, как линзы, пронзительными чёрными, казалось, горящими глазами. Он не вошёл, а, казалось, влетел в зал кафе, где его, видно, ждал друг, тот грузный господин, рисовавший что-то в блокноте, но новопришедший не пошёл к нему, а вместо этого подбежал к столу, где сидела Пия, неожиданно и театрально встал на одно колено, притянул правую руку Пии к себе и поцеловал её. Раздался его немного резкий голос с акцентом:

– Моя Венера! Я предлагаю тебе место на моих холстах и в моей мастерской! Я сражён твоей красотой, которая достойна, чтобы её увидели миллионы! Я предлагаю тебе мою руку с кистью самого Дали! Ты согласна?

Пия не поняла половину из того, что ей говорил этот экстравагантный человек, все ещё державший её руку около своей груди и не сводивший с неё своих горящих, сумасшедших глаз. За соседними столиками шептали и смеялись, глядя на эту сцену.

Она не знала этого имени – Дали, – но кто-то ей шептал внутри: «Да! Соглашайся! Решается твоя судьба», – и она просто сказала:

– Ви, месье.

Тот встал с колен, поднял Пию со стула и поцеловал в каждую ямочку на щеках.

– Пойдём! Время – дорого! Я вижу в тебе мою Венеру!

И он увлек Пию за собой. Багажа у неё не было, кроме небольшой сумки через плечо, и уже через четверть часа Пия сидела в просторной светлой мастерской испанского мастера Сальвадора Дали, о котором говорил весь Париж. Ему было в то время уже больше семидесяти,

но его горизонтальные усы были черны, а глаза – полны непотухающего огня – огня творчества, сжигающего самого художника и его окружение.

Так начался трехлетний период Пии в качестве модели для Сальвадора Дали, а в дальнейшем – и для других художников того времени. Она стала его Венерой. Она жила в мастерской Дали в Париже, на Монмартре, и он её рисовал, делая доступной её совершенное тело богини для всех людей мира, хотя та Венера, рождавшаяся на полотне, была не совсем Пией, а скорее Венерой Дали с Пииным совершенным телом. Она была там, на картине, и все же её, Пии, там не было, а была Венера.

Сальвадор платил ей небольшие деньги, и она сняла себе комнату в частном семейном пансионе недалеко от знаменитого кладбища Пер ла Шез, куда ходила гулять, рассматривая пышные могилы прошлого.

Париж Пия любила – с его кафе, магазинами, музеями, театрами и искусственными женщинами, тратившими огромные деньги, чтобы привлечь внимание мужчин своими нарядами, прическами, макияжем, улыбками. Пия так и не научилась делать ни макияжа, ни причёски, полагаясь на свою естественную красоту, которая в глазах всех мужчин выигрывала на фоне театральной красоты парижанок.

В неё не раз влюблялись художники, количество которых в Париже никогда не убывало, и в Париже состоялся её первый роман с другом Дали, но когда Сальвадор узнал об их интрижке, то высоким голосом, пищащим от гнева, сказал Пие, что если у неё появится любовник, он с ней расстанется – ему нужна Венера-девственница, а не куртизанка!

Но через три года Пии надоело быть Венерой и сидеть вечно голой в ателье Дали, где было холодно в ветреные, осенние, дождливые дни, да и ей стало от такой жизни просто скучно, а Дали, насытив свои картины красотой скандинавской богини, перешёл на другие мотивы, забыв о Пии.

Она же решила возвратиться к себе домой, не сказав почти никому об этих трёх годах позирования, и, так и не получив никакого образования, она открыла магазин индийских товаров.

За три года позирования у Пии скопилось немного денег, и она купила небольшой магазинчик в центре города на оживленной улице, где жило много студентов, и ей даже удалось снять квартиру на первом этаже магазина – так было дешевле. Она завела собаку, как это делали владельцы магазинчиков в Париже, которая охраняла магазин и её, Пию. Песик был сучкой, верным маленьким шотландским терьером с мертвой хваткой больших челюстей и бесконечной любовью к своей хозяйке. Так две девственницы стали жить вместе под одной крышей, одна – продавая дешевую индийскую рухлядь и зарабатывая себе на хлеб с маслом, вторая, мохнатая – охраняя хозяйку и магазин.

За три года новые девушки Скандинавии получили титулы красавиц года, и о Пие все забыли. А ещё через три года Сальвадор Дали скончался, так и не написав ни разу Пие ни письма, ни позвонив по телефону. Его картины теперь делали фурор и деньги ещё лучше, чем при жизни этого странного, экстравагантного живописца с его украинской женой-не-женой Галой, но никто и не вспоминал, что на его картине была запечатлена Пия, семнадцатилетняя скандинавская богиня в виде Венеры Дали.

Да и какое дело людям до персонажей всех этих знаменитых картин, часами и днями позирующих в неглиже перед жадными глазами знаменитых маэстро кисти? Кто знает имена и судьбы людей, запечатлённых на полотнах Тициана, Рубенса, даже самого Леонардо да Винчи? Всех интересует судьба художника, особенно её скандальная часть. Ну а каковы судьбы тех, кто был запечатлён на холстах и кто продавал свои тела на время и за деньги и навсегда остался на полотнах? Большинство из них известны как «портрет неизвестного» или просто – участники многотеловых картин, имеющих историческое название, которые известны всем, как «Похищение Европы», «Девушка с сережками» или просто – «Мадонна».

Пия это прекрасно понимала, поэтому ни на кого не обижалась и даже никому не говорила, что вот она, Пия, – была Венерой самого Сальвадора Дали, да и все ли знали – кто был этот Дали – может так, пачкун какой?

Она вела свой магазинчик, закупая дешево товары из Индии и перепродавая их чуть дороже людям, любившим недорогие яркие безделушки. Почему же она выбрала именно индийские товары? Наверное, они отвечали больше её вкусу к краскам, так необходимым в этой дождливой, продуваемой ветрами Скандинавии, где серо-серебряное небо с блеклым редким солнцем создаёт единственную раму для неяркой жизни скандинавов.

Её тело стало полнеть, не зная ласк мужских рук – она так и осталась девственницей, но лицо её оставалось по-прежнему красивым и совершенным – лицом зрелой богини.

Собака её через три года холостой жизни получила воспаление матки, что часто случается у собак – девственниц, и ей была удалена в собачьей клинике вся её щенородильная часть. Так они и жили на свете – Пия и её верный пес Дина.

Однажды Пия пошла на лекцию приехавшего из Индии нового гуру, предлагавшего формулу счастья через специальное дыхание, и она решила попробовать. Дышать – не зарядку делать, а её большое тело, достигшее к тридцати годам ста килограммов – не хотело лишних движений. Она заплатила деньги и стала учиться дышать по-йоговски – с придыханиями и катарсисом, напоминавшим обычный оргазм.

После первого искусственного дыхательного оргазма, прошедшего в группе, она открыла глаза и увидела перед собой портрет гуру, стоявшего на маленьком пьедестале. Нетронутое сердце Пии, возбужденное ритмичным дыхательным оргазмом, раскрылось, и она в ту минуту полюбила гуру, людей вокруг, дыхательные упражнения, пропевание мантр на санскрите и саму жизнь. После этой сессии она решила посвятить свою оставшуюся жизнь этому гуру, ежемесячно посылая ему большую часть своего заработка из магазина и оставляя себе только малюсенькую часть – для себя и Дины.

Она стала помогать организовывать дыхательные курсы по всей Скандинавии, собирая деньги для своего гуру, который строил огромный медитационный зал в Индии в виде белого лотоса на пятьдесят тысяч человек, который он однажды в своём детстве видел во сне и который стоил миллионы долларов.

Гуру ездил по всему миру, организовывал группы счастливого дыхания и собирал деньги на строительство медитационного лотоса. Пия была счастлива от того, что теперь её жизнь имела смысл – помогать своему гуру распространять счастье через правильное дыхание по всему миру, не меняя самого этого мира. В этом был и фокус – гуру решил, что от ежедневной порции дыхания вся планета придёт к счастью, и тогда всё само собой изменится к лучшему, но медитационный зал и свою школу дыхания он строил, строил с прилежностью муравья, выполняющего чей-то приказ.

А Пия дышала каждый день, вводя себя в состояние искусственного счастья и испытывая дыхательный оргазм, и была этим счастлива.

И вот однажды дороги привели гуру в Скандинавскую страну, где жила Пия. Гуру должен был приехать и дать сеанс дыхания для всех желающих, но заплативших входной билет. Была организована встреча его учеников в аэропорту, где усталый гуру принял венки и попросил отвезти его в отель. В пятизвездном отеле для любимого дорогого гуру, придумавшего дыхание счастья, были куплены новые простыни – ибо гуру не должен лежать на чьих-то простынях – и была заготовлена специальная, диетическая, экологическая пища, подаваемая в новой, ранее неиспользуемой посуде. Пия же решила приготовиться к долгожданной встрече со своим гуру и купила в магазине белое подвенечное платье размера экстра-экстра-лардж – самого большого, какое нашлось в этом магазине. Она украсила голову белыми лилиями и пошла в церковь, где её гуру должен был делать дыхательную сессию.

Она вошла в ещё пустую церковь и села в первый ряд. Её платье заняло ещё два стула – справа и слева. В церкви, снятой гуру на один вечер для проведения сеанса дыхания счастья, был полумрак. Через полчаса вся церковь заполнилась людьми – последователями, ездившими вместе с гуру по всем странам – кто из любви к нему, кто из любви к чудесам, так нужным людям в их серой жизни, а кто – из простого любопытства, присущего всему человечеству. В церкви были и случайные люди, никогда о гуру не слышавшие, но хотевшие, кто – исцеления за небольшие деньги, кто – встречи с чудесным.

Тут свет был кем-то включён, и в церковь, пританцовывая, вошёл маленький индус в белых одеждах, окружённый свитой индусов – в бусах и с чётками в руках. Гуру прошёл к алтарю, где уже лежали большие удобные подушки и стояли вазы с живыми цветами. Он просто сел на подушки, весело, как черноглазый воронёнок, посмотрел на свою паству и тут заметил Пию. Он закивал ей, приглашая её к себе. Пия встала, как во сне, и, притянутая ласковым взглядом своего гуру, пошла к алтарю.

Он показал ей взглядом на подушку, лежащую с правой стороны от него, и она поняла, радостно расположив своё большое тело в подвенечном белом платье на мягких подушках.

Гуру осмотрел ещё раз зал и начал задавать нужный, тайный темп дыхания счастья:

– Соооооо-Хам. Соооооооо-Хам! – разнеслось под сводами старинной католической церкви. Кто-то задышал, кто-то сидел и глядел с удивлением на происходящее, а Пия сидела с закрытыми глазами и каждой клеточкой чувствовала на себе ласковый взгляд своего гуру, своего суженого, своего принца.

Это и было её высшее счастье – сидеть рядом с ним и дышать с ним одним воздухом и в одном темпе. Темп дыхания всё ускорялся, в зале послышался смех, люди, казалось, улетали или, скорее, выпадали из действительности – приближался катарсис – кризис. Темп был такой высокий, что, казалось, все здание церкви колебалось вместе с дышащей, как паровозы, публикой.

Вдруг Пия почувствовала приход телесного оргазма – с судорогами и волнами тепла по всему телу, её душа вылетела из тела, и она ощутила себя бестелесным духом. Всё в минуту пропало – и гуру, и церковь, и люди.

Тут темп, задаваемый гуру стал спокойнее, и люди стали понемногу возвращаться обратно. Пия открыла глаза. Рядом сидел её гуру и ласково смотрел на эту женщину с большим телом и ангельским лицом. Он знал, что эта женщина будет до конца своих дней жить ради него и его дела, собирать для него деньги, организовывать курсы, строить залы для медитации, путешествовать с ним, любить его.

В этом была её судьба. В этом было её счастье. В этом была её жизнь. Сальвадор Дали сделал из неё Венеру, гуру дал ей почувствовать себя богиней и показал цель жизни. А что ещё человеку надо?

Эстер

Эстер лежала в кровати и думала:

– Ещё один день на этом свете. Ох, господи, зачем же мне это?

Она ещё полежала и стала ждать свою сиделку. У неё было две постоянных сиделки – обе иностранки и с резким, странным, режущим её музыкальное ухо, акцентом. Одна приехала из далёкой Африки, а другая – из Украины. Обе работали в доме для престарелых скандинавов, обе любили своё дело – обслуживать полуживых, медленно угасающих скандинавских жителей. Дом был частный, с большими светлыми комнатами и даже балконами, но всё равно это был дом для престарелых, которые не могли больше обслуживать себя: ни одеваться, ни готовить еду, ни мыться. Для этого были сиделки, выполняющие всю эту работу за хорошие деньги.

Комната Эстер была обставлена мебелью, которую она привезла из своего дома уже двадцать лет назад, когда она поняла, что больше одна не может жить в своём большом двухэтажном каменном особняке у моря и следить за собой и за особняком. Она переехала в этот частный дом для богатых пожилых людей уже давно, но вначале она ещё могла двигаться, заниматься гимнастикой, плавать и принимать участие в субботнем лото, куда собирались все жители дома престарелых, которые ещё могли двигаться, но уже три года она не выходила из комнаты, переходя лишь от кровати до столика или туалета и назад в кровать, да и то с помощью сиделок. Ей было девяносто семь лет, она страдала несварением желудка и отёком ног и каждый день молила бога, чтобы она уснула и больше не проснулась, но наступало утро, она открывала глаза и опять оказывалась в той же комнате – беспомощная, старая, ненужная, бесполезная.

Она лежала на кровати и ждала сиделку. Сегодня должна была прийти Наталья, украинская сиделка. Она всегда улыбалась, была вежливой, но Эстер не понимала половины того, что говорила ей Наталья на своём ломаном украинско-скандинавском, и Эстер говорила всегда «Да», чтобы Наталья ни говорила – так было легче обеим женщинам.

В дверь постучались, и она сказала, как всегда, по-французски:

– Антре, – делая акцент на последней гласной, как настоящая француженка. Эстер говорила на пяти языках и любила читать по-французски, но глаза ее ослабли за последние пять лет, и книжек она больше не открывала. Она заказывала в библиотеке звуковые книжки, которые читались приятными, но не всегда корректно произносившими тексты, голосами.

Голова Эстер была ясной, хотя она часто забывала о лекарствах, количество которых увеличивалось с каждым годом её жизни на земле, и о том, что надо, – хоть иногда, – пить воду. Воду она пила только при напоминании, ее вкус не любила и считала бесполезным заполнять своё тело водой, предпочитая безвкусной воде джин или водку, но спиртного ей не давали.

Она лежала и думала о своей очень-очень длинной жизни, пока Наталья натягивала на неё чулки, трусы, юбку и блузу. Лифчиков она давно не носила, считая, что они мешают ей свободно дышать, поэтому ее груди оттянулись и болтались в блузе, доставая почти до пупка.

Наталья помогла ей встать и дойти до туалета. Там она вынула ночной подгузник из широких, хлопчатых трусов Эстер, мокрый от мочи, но не раздражающий промежности этой старой женщины – вставать ночью в туалет она больше не могла. Потом Наталья умыла Эстер, как маленького ребенка, протерев ее кожу мокрым полотенцем до пояса, вытерла насухо и одела ее в блузу.

Подгузник был сменен на новый, и они вместе – медленно, шаг за шагом – прошли к глубокому креслу, стоявшему у обеденного стола. В этом кресле Эстер сидела до обеда, с вечно включенным телевизором, открытым на радиопрограмме – она любила слушать классическую музыку и программу новостей о той жизни, к которой она имела очень маленькое отношение.

Она жила на свою частную пенсию, которую заработала сама за свою долгую жизнь в этом обществе и которой хватало на оплату этого частного дома престарелых и не больше, но больше ей было и не надо. Её нужды уменьшались с каждым прожитым годом, так же как и её скорость жизни. Как в фильме с замедленными съёмками, скорость её жизни приближалась, как она говорила, к нулю, не оставляя времени ни для чего, кроме еды, просмотра телевизора и общения с двумя постоянными сиделками.

Теперь она сидела в своём старом, глубоком кресле, стоявшем около деревянного, покрытого скатертью стола, на котором стояла ваза с увядшими тюльпанами, и смотрела в окно, ожидая своего, всегда одинакового, завтрака – чашки чёрного кофе, теплого тоста из белого хлеба с маслом и сыром и тарелочки с мелко порезанными сезонными фруктами, которые она ела целый день. Сегодня это были груши – стоял август, и первые скандинавские, чуть жёсткие, но ароматные груши появились в магазинах.

Покупки делались раз в неделю – центрально, согласовывая с Эстер необходимое количество закупаемого, но её аппетит был небольшой, поэтому скапливалось много остатков, которые она просила беспощадно выбрасывать, помня старое правило, что только свежая еда может ещё поддержать уходящие жизненные силы в её хрупком, костлявом теле с отвисшей грудью и больными, распухшими ногами.

Завтрак Наталья оставляла на столе и уходила до обеда – у неё было четыре клиента в их доме. Эстер взяла с подноса чашку с кофе, но не удержала в чуть дрожащей, старческой руке, и кофе вылилось ей на колени. Кофе был не горячий, но мокрота, быстро добравшись до ее трусов, принесла ей первые неприятности. Эстер нажала на кнопку прибора, висевшего на ее старческой, по-черепашьи тонкой шее, и уже через мгновение в ее комнату вошёл дежурный. Это был мужчина, чёрный африканец, работающий в доме престарелых уже пять лет.

Она так и не привыкла к этим мужским сиделкам, купающим и переодевающим немощных женщин в этом доме, но делать было нечего – она указала ему на чашку и на свою залитую кофе юбку и попросила его переодеть её.

Он подошёл к её встроенному гардеробу, открыл его и вынул три юбки. Она выбрала голубую. Трусы он выбрал для Эстер сам – бело-розовые. Он помог Эстер приподняться на кресле, расстегнул ей юбку и снял её через голову. Ей было не стыдно, но неудобно сидеть здесь, перед ним, в грязном нижнем белье и подгузнике, залитых утренним кофе, но она вздохнула про себя и смиренно помогла ему снять трусы и промоченный кофе подгузник.

Перед ним открылась её дряблая кожа старческих ног и вялый, вывалившийся в межножье, клиторис, но он профессионально приподнял её со стула и ловко застегнул новый подгузник. Потом одел трусы и юбку.

Эстер чувствовала себя странно от этой помощи постороннего мужчины, который не видел в ней больше ни капельки от той женщины, которой сделал её когда-то бог. Для него она была андроидом, бесполом существом, которое он обслуживал профессионально и за деньги, но к которому относился как к цветку в горшке – безразлично и бездумно.

За время этого визита он не сказал ни слова и только перед уходом, формально, пожелал ей хорошего дня.

– Да! Жди – хорошего! Какого ещё хорошего? – ворчала она про себя.

– А нового кофе не сделал – придется опять звонить в кнопку. Нет, да ну этот кофе к лешему! Лучше уж джину с содовой – и забыть об этой постылой жизни с подгузниками и неходящими ногами в вечном кресле у стола. Нет!

Она явно устала от такого турбулентного утра и решила поспать. Тут в комнату заглянула Наталья, улыбаясь:

– Нужно что-то?

– Да, голубушка, устала я да и кофе разлила. Помоги мне до кровати добраться!

Наталья подошла, обхватила Эстер за талию и медленно повела старушку к кровати. Эстер охала и просила несколько раз остановиться и перевести дыхание.

Хотя до кровати было только два метра, на эту процедуру перемещения ушло пять минут. Она легла в кровать, посмотрела на Наталью и жалобно, как ребёнок, попросила принести себе ей джина.

– Ты знаешь – из бутылки на кухне.

Кухня была тут же в комнате и занимала крохотный угол, где стоял маленький холодильник, висел шкафчик с посудой и была маленькая одноконфорочная электрическая плита. Джин стоял в нависном шкафчике, спрятанный за пачку с сахаром.

Наталья улыбнулась и кивнула головой. В доме запрещалось давать алкоголь его обитателям, но она знала, что иногда правильный образ жизни не приводил к счастью, и алкоголь – пусть в небольших количествах – помогал иногда этим старым, ненужным никому людям забыть об их пустой, неинтересной жизни.

Наталья достала бутылку с джином, налила его – но не в стакан, а в поилку с носиком – и долила холодной минеральной воды с пузырьками.

Эстер уже лежала в кровати, укрытая одеялом. Она взяла поилку в свои старческие руки, покрытые выступившими венами и усыпанные старческой горчицей коричневых пятен смерти, и стала сосать через носик сделанную заботливой рукой Натальи ядовитую смесь алкоголя с минеральной. Перейдя в тело Эстер, смесь попала в её кровь и стала разноситься по всему телу, давая мускулам расслабиться, а мозгу – забыть о происходящем. Лицо ее порозовело, а глаза чуть замутились.

– Иди теперь, спасибо тебе! – сказала Эстер Наталье, и та вышла из комнаты. А Эстер перенеслась в мир грёз и мечтаний, забывая о своём старом и немощном теле. Пары алкоголя перенесли её в свой старый особняк у моря, который она передала ещё десять лет назад своим двум сыновьям, чем создала между ними вражду, да и их она не видела с тех пор – они, вместе с их детьми и детьми детей, были заняты своими делами, совершенно не интересуясь её, Эстер, утасующей, еле теплящейся жизнью. Кроме усадьбы у неё ничего не было, поэтому, получив и разделив наследство, она стала своей семье больше не нужна и неинтересна.

А когда-то, семьдесят лет назад, Эстер была первой женщиной в Скандинавии, создавшей свою фирму детской одежды, ставшей знаменитой на всю Европу. Тогда она была молодой вдовой с двумя маленькими детьми на руках и не имела ни малейшего опыта создания ни фирмы, ни бизнеса. Но как-то надо было ей выживать после трагической смерти её мужа в годы войны – хотя он никогда не был на фронте – просто была глупая, роковая случайность: он был в том месте, где стреляли, – и вот она осталась одна, с детьми, без мужа и без малейшего понятия, как делать деньги.

Она решила открыть первый магазин недорогой, но удобной скандинавской одежды для детей – и попала в точку. После войны начался детский бум, и её небольшое дело расцвело так, что она через некоторое время была уже совладелицей нескольких магазинов, а через пять лет открыла филиалы в соседней Швеции, Германии и даже в консервативной Швейцарии.

Эстер всё время отдавала фирме и своим сыновьям, так и не встретив мужчину в своей жизни, и довольствуясь короткими, не обязывающими ни к чему, одиночными связями. Так она и состарилась.

Сыновья окончили университеты, один стал адвокатом, а второй – врачом в госпитале, а она купила себе виллу у моря, где только спала, проводя всё своё время на фирме. Но тут пришли новые времена, когда одежду стали завозить партиями из Таиланда и Китая, наводняя эстетический скандинавский рынок дешевой одеждой низкого качества, и она, почувствовав изменения, шедшие как с востока, так и из запада – с американской компьютеризацией и глобализацией всего мирового рынка, она продала фирму за хорошие деньги и стала охотиться за впечатлениями, пересаживаясь с одного самолёта на другой и с одного корабля на другой.

Она объехала почти весь мир, видя везде приблизительно одно и то же – глупость, недалёковидность, жадность, ложь на фоне потрясающе красивой и иногда очень опасной природы, которая отдалялась от человека всё больше и больше.

К семидесяти годам ей стало трудно ходить, отели надоели, а есть она много не хотела, так как тяжелой работой больше не занималась и не уставала физически. Она поняла простое правило – люди на всей земле жили, чтобы есть и развлекаться, пропуская через свои всеядные желудки всё, что было живого и неживого на земле. Еда была главным центром общности и удовольствия почти на всём земном шаре, и лишь в тибетских монастырях она наблюдала отказ от этого ежеминутного убийства окружающей природы ради своей, в основном довольно ничтожной, жизни – да и то йоги не были не признаны нигде, как нормальные члены общества, оставаясь в своем полузагадочном статусе магов-бездельников. Но их было и мало, очень мало, по сравнению с армией день и ночь жующих чего-то людей.

Эстер ела теперь мало, но и этого было ей достаточно, чтобы испытывать временами чувство вины перед природой, которую она уничтожала, ничего не давая взамен, кроме дурно пахнущих испражнений. Тело её сдавало, но мозг работал, хотя и без прежних звёздных часов, наполненных фантазиями и неожиданными открытиями – пусть небольшими.

В этот день она проснулась через час после своего беспокойного воспоминаниями сна, возвращающими её опять и опять в прошлое, которое давно не существовало, ощущая неприятный привкус во рту – «наверное, от алкоголя» – подумалось ей.

Эстер опять проснулась всё в той же надоевшей ей кровати и опять почувствовала боль в своих умирающих ногах. Боль была колючая и неприятная, заставляя её думать о ногах, а не о том, что ей хотелось в туалет, до которого было не дойти самой, и она, опять отпустив свою брезгливость – со смирением – пустила струйку в ненавистный ей бумажный подгузник, к которому была привязана последние пять лет. Подгузник принял её жидкость в себя, оставляя её промежность почти сухой.

Она решила не звонить дежурному. Она лежала и слушала музыку, доносившуюся из радиопрограммы невыключенного телевизора. Исполняли Моцарта «Времена года» – и она знала каждую ноту, каждый тон этой салонно-отельной и все же всегда приятно отражающейся в мозгу музыки этого полупьяного и полусумасшедшего гения – подростка, так и не выросшего из юности и куролесенья.

Эстер, как и все еврейки, любила музыку, но особенно еврейскую, зажигательную, восточную, колдовскую и зовущую неизвестно куда, хотя слушала её редко. Она была еврейкой по крови, но не по жизни, вышедшей замуж за немца и сделавшей с ним двоих умных мальчиков. Но муж её умер ещё в начале Гитлеровского исхода из своего Байерско-Австрийского гнезда, а ей пришлось бежать от него в нейтральную Швецию, приютившую евреев из всей Европы, где она и начала своё дело с продажей качественной одежды для детей.

Теперь же она страдала от мокрого подгузника, неживых ног и неработающего желудка. В Швеции у неё появились две лучшие подруги – тоже из еврейских переселённых Гитлером семей, которые оставались её лучшими друзьями долгие-долгие годы, даже когда одна из них, Роза, уехала в далекую Америку, а Мирта – в Голландию.

Все трое женщин были одного возраста, национальности, темперамента, и они ежегодно собирались вместе на каникулы – то в Швеции, то в Америке, то в Париже.

Когда им исполнилось около восьмидесяти, то они – будучи на одном из круизов по Средиземноморью все вместе – решили, что обязательно проведут свой общий столетний юбилей в маленьком местечке Германии со смешным названием Хопфен, в Баварии, на границе с Австрией на берегу озера, где по вечерам были видны розовые горы, запомнившиеся Эстер во время её поездки с мужем на каникулы после рождения их первого сына.

Она часто рассказывала своим подругам о розовых горах, тихом озере с форелью и белыми лебедями, о ласточках, щебечущих по вечерам и о том особом духе этого места,

охраняемом грозной богиней Ба-Варией, веками не допускающей разрушения этой многовековой красоты.

Но это всё были неосуществимые мечты. На прошлой неделе Эстер получила письмо из Голландии о том, что ее подруга, Мирта, умерла от болезни Кройцфельд-Якова, которую называли в народе болезнью бешеных коров и так и не знали, откуда эта болезнь берется и как ее лечить. Эта болезнь ежегодно уносила жизни пяти-шести несчастных в маленькой Голландии, а в этот раз она решила поразить мозг Мирты, и через шесть недель та скончалась в госпитале.

Оставалась Роза, которая уже десять лет страдала старческим маразмом, который стали именовать модным и непонятным словом синдром Альцгеймера, так и не зная, как ее лечить. Она жила не в доме престарелых – этого бюджет её сына просто не выдерживал – а в семье эмигрантов-поляков, в штате Монтана, которые за деньги ухаживали за старой маразматичкой, а деньги платили ее дети, не желающие иметь дома опасного существа, не помнящего ни своего имени, ни как выключить электрическую плитку, и покупающие за деньги свободу и спокойную совесть.

Эстер осталась одна из троих, как говорили, в светлом рассудке, но радости от этого было мало. Она бы предпочла как Роза – ничего не помнить, или как Мирта – заболеть таинственной болезнью и умереть, но видно, ей не было дано ни того, ни другого.

Тут дверь в комнату открылась и вошла ночная сиделка – африканка Лора.

– Эстер, время ужина, – улыбаясь, сказала она.

Лора помогла Эстер подняться с кровати, проводила её в туалет, сменила подгузник и усадила старушку всё в то же кресло около стола. Потом принесла из коридора, где стоял раздаточный столик на колесиках, поднос с ужином – картошка, котлетка с подливкой и десерт – сегодня это был шоколадный пудинг. В стакане была налита простая вода.

Она поставила поднос перед Эстер и сказала с дежурной улыбкой:

– Приятного аппетита, я приду через полчаса и заберу поднос.

Она торопливо вышла, оставив Эстер одну – у неё было ещё четыре клиента.

Эстер взяла в руку чашку с шоколадным пудингом, обмакнула свой палец и лизнула, как ребенок, палец.

– Ну и пожалуйста! Буду есть только шоколад! Вот вам!

Она пригрозила кому-то невидимому пальцем и засмеялась.

За окном заходило солнце, а где-то далеко, на юге Баварии, закат уже поцеловал Альпийские горы, и маленький спящий городок Хопфен окрасился в нежно-розовый цвет, отражающийся в водах тихого озера.

Милочка

Милочка лежала на полу в спортивном зале фитнес клуба и улыбалась себе. Было десять часов вечера, и она только что закончила тренировку, которую она вела – стрип-пластика для женщин.

Все ученицы, получив свою порцию женственности, не растраченной во время скучного и неэротического рабочего дня, ушли домой, даже не заметив ее нарастающей боли, от которой Милочке хотелось плакать, но она плакать не могла.

Во время последнего часа тренировок она вдруг услышала, как в ее левой икре что-то хрустнуло и разорвалось.

– Наверное, связка, – подумала она в тот момент, но продолжала тренировку.

Теперь же, когда все разошлись, она лежала на полу, улыбаясь от боли. На ногу она не могла ни наступить, ни ею пошевелить. Тренировочный зал был на третьем подземном этаже, в глубоком подвале, куда вела винтовая, крутая лестница, а лифт уже отключили, экономя дорогое электричество по вечерам.

Она поднялась кое-как с пола и запрыгала, как могла, на одной ноге, в раздевалку. Открыв шкаф ключом, она оделась – а на улице стоял еще мороз – и запрыгала по винтовой лестнице вверх – ступенька за ступенькой, сохраняя на лице улыбку.

– Опять забыла рыбий жир, – подумала она.

Она не верила в могущество рекламируемых витаминов, а к лекарствам относилась с подозрением, принимая их с неохотой и только в крайней необходимости, но верила почему-то в могущество рыбьего жира, который принимала каждый день утром и вечером. В тот день она забыла выпить рыбий жир.

Забывала она часто и много, записывая в свою книжицу все часы тренировок, деловых встреч и приходящие в голову мысли, хотя писание давалось ей с трудом. Она писала медленно, высунув язык, как собака, и облизывалась, причмокивая, выводя буквы. С телефоном было не легче. На написание одного SMS уходили дорогие минуты жизни, а на чтение еще больше. На звонивший телефон она отвечала редко, так как любой разговор надолго вырывал ее из дневного, тщательно разработанного и проверенного ею много раз плана. Отклонение от плана приводило Милочку в хаос и депрессию. Милочка была больна.

Она доскакала на здоровой ноге до верхнего этажа фитнеса и, открыв дверь с трудом – на ее плече была тяжелая спортивная сумка, поскакала к стоянке машины. Открыв свою старенькую пежо, Милочка рухнула в машину и стала думать, как она будет жать на тормоз больной ногой.

Ничего не придумав, она завела машину и, превознемогая боль, поехала домой, к мужу, кошкам и рыбьему жиру. Через двадцать минут машина уже заезжала в гараж небольшого домика, приютившегося на старинной улице столичного пригорода, и она, кое-как вывалившись из машины, запрыгала к крыльцу дома. Было уже около полночи. Муж и кошки давно спали. Милочка допрыгала до кухни, выпила стакан воды с двумя капсулами рыбьего жира и, сняв одежду, забралась в постель к мужу. Тот проснулся, повернул свою голову к Милочке и улыбнулся:

– Ты уже дома, дружок?

Милочка проагала в ответ, поцеловала его, забралась в его пахучую чем-то родным и мужским подмышку и сладко уснула. День был закончен. Все её планы были выполнены. Она знала, что завтра она не будет помнить больше об этом дне, живя только настоящим – такова была природа её болезни, ежедневно стиравшей память прожитого, но оставляя на теле Милочки знаки истории в виде первых морщин, растяжек на животе от родов, усталых мускулов, а теперь – и порванных в левой икре связок.

Милочке было тридцать шесть лет, она была замужем третий год, и её сыну, больному той же болезнью, что и она, но в более тяжелой форме, было уже семнадцать. Болезнь её была врожденной, генетической и называлась непонятным названием в четыре буквы АДХД, – за которыми пряталась ее судьба.

Болезнью её наградила её родная мама через свои, нечистые, неселектированные случайные гены. Свойства этой болезни усиливались с каждым поколением, как рисунок под увеличительным стеклом. Она проявлялась по-разному – как недостаток внимания, недостаток памяти, болезненный контроль за ситуацией, неприемлемость неожиданных поворотов в ежедневной жизни.

В следующем поколении она могла проявиться как мания, сомнительность, неспособность читать и писать, неспособность к ориентации в общественных, запутанных законом неестественных ситуациях-ребусах, таких, как добывание нужных документов, принятие участия в так называемых демократических играх общества, поддержание общественных связей и отношений, использование друг друга, называемого по ошибке «дружбой».

У Милочки болезнь была во втором поколении и проявлялась в том, что она не смогла окончить школу, получить образование, кроме танцевального, которым она занималась с шести лет. Там не нужно было ни писать, ни читать, ни считать, а её тело – длинное, стройное и гармоничное – было создано для движений и танцев.

Она занималась классическим балетом – но недолго, танцевальным джазом, аэробикой и современными танцами, тренируя свою дырявую, в действительном смысле, память в запоминании замысловатых движений и их комбинаций.

С раннего возраста она поняла, что танец – её единственное спасение из лап болезни, и только в танце и на сцене она чувствовала себя полноценной и счастливой. Но годы шли, и её танцевальные подруги поступали кто в высшую школу балета, кто – в университет, кто в школу фитнеса, где было отделение инструкторов для спортивных танцев, а она – с трудом читая и не умея почти считать – была выброшена за борт жизни своим невидимым врагом – болезнью с некрасивым названием АДХД, от которой спасенья не было.

Ее мать, чувствуя свою вину и любя по-своему эту странную девочку, необычайно ласковую, но не помнящую, что было вчера, и переходящую в состояние депрессии, если ей задавали простой вопрос:

– Как у тебя дела?

Пробовала все – хилеров, экологическую пищу, массажи, но ничего не помогало, а Милочка, как её все звали, устала ото всех этих бесконечных экспериментов своей мамы. Она решила про себя, что выживет сама, раз её такой сделали. Выживет.

В пятнадцать лет она обнаружила, что красива и имеет успех у противоположного пола, который мало интересовался её интеллектуальными способностями к письму и географии, зато рукоплескал, когда она облизывала свои накрашенные губки и хлопала своими подчеркнутыми краской миндалевидными глазами. Она вытянулась и стала почти двухметрового роста, но при этом была гармонична и мила. Настоящая Милочка!

Гуляя по вечерним улицам столицы, она однажды попала в район проституток и ночных баров, и эти огни привлекли её наивное, чистое существо. Она вошла в один из ночных баров, где на сцене медленно танцевала под эротическую музыку, раздеваясь и кокетничая с поедавшими её глазами мужчинами, небольшого роста девица в блестящем полупрозрачном костюме со страусовыми перьями, и Милочке ужасно захотелось оказаться на этой сцене, освещаемой огнями, и медленно танцевать для этой публики.

Она не заметила, что публика была нетрезва и состояла почти только из мужчин, среди которых сновали полуголые кокетливые официантки, одетые только в наколки на голове и кружевные переднички, зато её внимание поглотил танец на сцене.

Она подошла к бармену и спросила, нужна ли им танцовщица. Бармен позвал кого-то из задней комнаты, кто оказался владельцем стрип-бара, он посмотрел на Милочку и коротко сказал:

– Завтра в шесть вечера, костюмы подбери в костюмерной, цена за пять минут – сто евро (он занизил цену в три раза). Согласна?

Милочка улыбнулась и сказала:

– Да!

– Как зовут?

– Милочка.

– Ок, ты будешь выступать под именем Лулу.

Она прибежала домой счастливая! Ей дали работу! Она будет сама зарабатывать деньги! Она ничего не сказала своей маме, и долго кружилась по комнате, улыбаясь сама себе.

Она нашла свою старую музыку, под которую часто танцевала дома одна, и стала репетировать свой номер. Она подходила очень серьезно к своим выступлениям и репетировала целый вечер.

На следующий день она была к шести в баре. Ей показали гримёрную, которая выходила на задний двор, грязный и облезший, а в гримёрной был навален ворох костюмов для танцев и стояла корзинка, в которой лежали краски для грима. Она включила лампочки по сторонам большого зеркала и начала краситься.

К десяти вечера в гримёрную пришли ещё три девочки.

– Подвинься! – сказала одна из них, поставив свою сумку на пол.

Милочка улыбнулась и сказала:

– Пожалуйста!

Она не умела сердиться и обижаться. Её мир был розовым, как и одежда, которую она себе покупала в магазине – розовую, блестящую, более детскую, чем взрослую.

Около одиннадцати вечера дверь в гримерную открылась, и голос сказал:

– Лулу! На выход! И музыку не забудь, передай диск жокею.

Милочка вздохнула, улыбнулась себе и вышла на сцену. Нагнувшись, она передала диск на музыкальный центр, выпрямилась, приняла позу и стала ждать первых звуков музыки.

Когда звуки наполнили весь этот дешёвый стрип-бар, она начала свой танец, забыв о публике, запахе алкоголя, царапающей её тело одежде стиля кабаре и свою болезнь. Она танцевала медленно и эротично, растворяясь в каждом движении и танцуя скорее для себя, чем для публики.

Те, кто был в баре, перестали разговаривать и пить, притянутые танцем Милочки. Движения её были не вульгарными, а скорее, манящими и завлекающими, они будили в этих людях, пришедших в бар, чтобы забыть свою неинтересную ежедневную жизнь, а может, и от скуки семейной надоевшей, однообразно тоскливой рутины, мечту о чем-то недостижимом и манящем, эротическом и запретном, сладком и трепетном.

Когда её танец закончился, зал замер, и Милочка, под восхищенные взгляды мужчин и завистливых женщин, ушла со сцены. Она была как под гипнозом. Внутри неё все пело и танцевало, и хотело опять на сцену, к огням рамп.

В гримерную вошел директор.

– Молодец, Лулу! Вот твои деньги.

Он протянул ей сто евро, она по – детски улыбнулась, взяла деньги и спросила:

– Завтра в шесть?

– Да! Завтра в шесть.

Так она стала стриппой, танцовщицей баров и стрип-дискотек. Через три месяца она танцевала за ночь уже в трех-четырех местах, зарабатывая приличные деньги. Она уехала от мамы

(отец жил отдельно уже много лет), сняла комнату в городе и накупила себе множество танцевальных костюмов и макияжа.

Друзей у неё не прибавилось, зато появилось несколько вздыхателей, желания которых были очевидны – её длинное, грациозное, женственное тело, которое умело выразить высшую гармонию женщины в плавных и томных эротичных движениях.

Известность её росла, а вместе с известностью открывались возможности проявить себя в других городах и даже странах. Несколько агентов, увидевших её танец, пригласили её танцевать в ночные клубы Европы, обещая хорошие деньги и условия работы. Она подписала контракт, не читая – ибо читать не умела, и уже через полгода была вывезена в Европу, танцуя по неделе в каждом клубе.

Она была в Германии, Греции, Италии, танцуя в ночных клубах, где выступали и другие девушки, особенно из России и Украины – с хорошей техникой танца и растяжками на шпагат – многие из них были бывшими гимнастками, – но не излучающими ту детскую радость и непосредственность, которой отличалась Милочка, благодаря своей болезни.

Она все еще была девственницей и не спала ни с кем из своих вздыхателей. Ей было семнадцать. Когда наступило лето, она оказалась в Афинах, танцуя в большом ночном баре. Туда каждый день приходил грек с голубыми глазами и светлыми курчавыми волосами смотреть на ее выступления. Она и не знала, что есть греки с голубыми глазами, и он показался ей принцем из её снов.

Когда он предложил ей поужинать вместе после танцев, она согласилась – первый раз в ее жизни, а он, напоив ее шампанским за ужином – алкоголь влиял на неё сильно – потащил в какой-то отель. Она не помнила больше ничего, но когда она почувствовала боль в своем теле, она очнулась от своего забытья, хотя было уже поздно: молодой греческий Апполон лежал на Милочке, нисколько не заботясь о её чувствах и ощущениях.

Так прошло её крещение в женщину. На следующее утро у неё болело между ног и, когда она ходила в туалет, немного шла кровь. Она решила разорвать контракт и уехать домой. Денег ей заплатили мало – только на обратный билет, но она спешила домой, чтобы забыть эту ночь, мужские вороватые глаза и, как ей казалось, мужской обман. Кто кого обманул, она не знала, но чувствовала несправедливость жизни.

Дома она обнаружила, что забеременела после той ночи, но аборт делать не стала, а решила родить того, кто получится. Почти всю беременность она протанцевала в барах, зарабатывая деньги на ребенка.

И вот через девять месяцев, как положено, она родила сына, белокурого, голубоглазого, похожего на Аполлона и больного.

Она передала ребенку свои больные гены вместе с генами неизвестного грека, и её часть усилилась в этом малыше – красивом, как ангел, и больном, как инвалид.

Если Милочка еще могла читать по складам и медленно, то Милочкин сын не мог видеть различия ни в буквах, ни в цифрах.

Он был из породы тех детей, выращиваемых на ретадине, или амфетамине (ретадин был скрытым названием амфетамина для детей), которых называли «индиго» и с которыми родители не знали, что делать. Она назвала его Миланом, показывая в его имени связь с собой и их общей болезнью.

Милан был красив, как ангел, и непрактичен для жизни, как марсианин. В их стране, как впрочем, и по всему миру, стало рождаться всё больше и больше таких, как народ говорил, «голубых» детей, которых в старинные времена называли просто «блаженными». Но раньше их было мало, а теперь правительствам приходилось строить специальные школы для них, а когда эти «странные» дети превращались во взрослых, поддерживать их существование за счет других, работоспособных и конкурентноспособных, хитрых и удачливых членов общества.

Законы древней Греции, сбрасывающей неполноценных детей с утеса в море, старые традиции Чингис-Хана, детей которого купали после рождения в ледяной воде или в снегу, отбирая сильнейших для жизни и потомства, правила Евгеники, привержеником которых был великий Циолковский, и расовая теория Гитлера – все эти селекционные методы были неприемлемы в демократическом государстве, где постепенно стиралась грань между гениями и болванами, усредняя интеллигентность за счет выживания всех.

Милан выжил, но генетически он совершенно не был приспособлен к жизни в обществе, построенной на ежедневном и ускоряющемся потоке нужной и ненужной информации. Он не умел врать, что было неприемлемо в любом цивилизованном обществе, начинающем любой день с ложного постулата:

– Как дела? Отлично?

Он был целостным, как каждый идиот, и радовался на всю катушку, если чувствовал радость, и плакал горем годовалого ребенка, если чувствовал обиду. Мамой он гордился и всем кругом говорил:

– Моя мама работает самой лучшей стриппой, – и при этом ангельски улыбался.

Его любили пожилые женщины и целовали в белокурую кудрявую головку, и на него засматривались прохожие, не понимая его всегда радостной, настоящей, не фальшивой улыбки: «Чему улыбаешься, паренек?»

Мама поместила его в специальную школу для детей со специальными нуждами, которую в простонародье всегда называли «школой дураков», и он даже там, среди детей-даунов и слюнтявых идиотов, умудрялся быть последним.

Когда мама уезжала на гастроли по Европе – а она делала это все реже и реже – после того, как ей исполнилось двадцать пять, ведь она уже не могла конкурировать в стрип-клубах с молодыми славянками – упругими, грудастыми и готовыми на всё за магические бумажки, которые в обществе называли словом «деньги».

Она боялась и не любила мужчин, смотревших на Милочку похотливыми глазами самцов, и уже не надеялась устроить свою личную жизнь, когда она неожиданно встретила в своём городе Анди, работающего тренером в фитнес-клубе.

Анди был ниже Милочки на голову, имел крепкое мускулистое тело и добрые глаза. У него была та же болезнь, что и у Милочки, но в мягкой форме. Он даже закончил школу и мог пользоваться компьютером, был женат два года на тренерше из фитнес-клуба и имел двоих детей-двойняшек, которых видел по воскресеньям после того, как жена его оставила, заявив, что жить с «ущербным» больше не может.

Анди был для Милочки супер интеллигентным и родным, потому что он понимал её и не требовал от неё быть другой. После того как они стали жить вместе все впятером – Милочка, Милан, Анди и две пёстрые кошки, – Анди поставил вопрос перед Милочкой – он на ней женится, если она перестанет работать стриппой – как он ей сказал: «Нехорошо, если на мою жену будут с вождением смотреть другие».

Она подумала и ...согласилась. Они пошли в банк, заняли денег в долг и купили крошечный домик на окраине их города. Милочка научилась водить старенькую машину, которая была у Анди, и разъезжала теперь по городу, а если её спрашивали, как её зовут, то отвечала:

– Миланди, – соединив их два имени вместе.

Но через год ей стало скучно сидеть дома и не танцевать на сцене перед глазами пусть нетрезвой, но все же публики, и она загрустила.

Анди ей бесконечно нравился. Именно с ним она впервые начала наслаждаться сексом, учась у него доверию к действиям других, но жизнь без танцев была для нее неполной, и она решила упросить его разрешить ей танцевать, да и его денег едва хватало на жизнь и оплату долгов.

Анди сказал, что подумает, и через неделю вынес свое решение – она должна работать в фитнес-клубе и преподавать женщинам танцы.

Милочку взяли на пробу на месяц в тот фитнес-клуб, где работал Анди, и она радостно взялась за дело. В клубе она встретила множество мужеобразных женщин, качающих бицепсы, но не умеющих ходить на каблуках, и она решила создать группу стрип-фитнеса, смешав свои старые танцевальные номера в стрип-клубе с современной аэробикой стиля Джейн Фонды.

Дело пошло, и она стала танцевать опять – в закрытых залах фитнеса, без публики, но в новом качестве – учителя. Она учила женщин эротичности, пластичности, грациозности и искусству очаровывать. Клуб, видя её старания, дал ей полную ставку, и она стала тренером.

Теперь она танцевала по три, четыре часа в день перед этими женщинами из фитнеса, которые завидовали в тайне Милочке, но продолжали ходить на её танцевальные часы, надеясь со временем стать такой же, как и она – грациозной, эротичной, желанной. Но Милочка начала уставать от этих занятий. Здесь не было горящих глаз, зато были – завистливые, не было обожания, зато была – женская ревность, и Милочкины крепкие, молодые мускулы стали сдавать.

Ей уже исполнилось тридцать шесть, и первые морщины – сожаления и разочарования – залегли около её притягательных, всегда улыбающихся губок.

В тот день её связка на ноге не выдержала многочасовых танцев с женскими группами и разорвалась.

Милочка лежала в кровати рядом с Анди и улыбалась себе. Она не верила в Бога, хотя знала немного библию – её читала ей в детстве мать.

– Возлюби прежде Бога, потом ближнего, потом себя, – так помнила Милочка главную заповедь. Но она любила прежде всего – танцевать, потом Милана, потом – Анди, а потом – двух пестрых кошек. Их она знала, а Бога? Если он сделал её по своему подобию, то почему она не как все? И если Милан тоже сделан по его подобию, то почему он не умеет ни писать, ни считать? А может все это сказки – про Бога? Милочка не могла ответить на эти вопросы.

Завтра она проснется и забудет про перипетии прошедшего дня. И она улыбнулась опять. Есть Бог или нет – это не важно, главное, что у неё есть Милан, Анди и две кошки. И она мирно уснула.

Фактор X

Ната сидела на мягком диване в телевизионной комнате и смотрела передачу «Фактор X», где выступали финалисты. В финал вышли две четырнадцатилетние девчонки, которые пели вместе. Она помнила, что когда это соревнование красивых голосов и неизвестных талантов началось три месяца назад, они были обычными девочками с приятными полудетскими голосами и внешностью несформировавшихся подростков. Теперь со сцены на неё смотрели две ярко накрашенные девицы в модных платьях, танцующие под записанную фонограмму и выделяющие движения, явно претендующие на внимание взрослых мужчин.

Тех девочек-подростков уже не было. Они повзрослели прямо на десять лет за эти три месяца соревнований – повзрослели и постарели, потеряли свою щенячью округлость и невинность взгляда. Они выглядели под толстым слоем театрального, полного опасных гормонов и парабенов, профессионального грима усталыми и замученными. Как и Ната. Она тоже выглядела теперь старше своих тридцати с хвостиком. Она еще больше подурнела, похудела и стала совсем задерганной.

А все началось так же, как и в «Факторе X» (произносится как икс) – с желания выбраться и иметь хорошую жизнь – не как певица, а как хозяйка дома, член семьи и человек достойный уважения. Но ничего не получилось. НИ-ЧЕ-ГО!

Когда в девяностых развалился великий и славный Советский Союз и Украина после шумной бучи отделилась, началась полоса беспредела, или, скорее, передела – того, что можно поделить, оставив на мели большую часть жителей этой красивой и богатой земли Гоголя и Тараса Бульбы, к которым относилась и семья Наты.

Отец Наты после отделения Украины и смерти своей жены стал беспробудным пьяницей, не понимая нового устройства и Тимошенко-английско-холяцкого, с длинной фальшивой косой курса, и туда же он тащил и своего сына-верзилу, единственного брата Наты. А она в те годы вышла замуж – скорее от страха остаться одной в этой нестабильной обстановке, чем по любви – за человека, вскоре потерявшего работу и возмещающего привратности своей судьбы вместе с привратностями судьбы бывшей советской житницы, тяжелым мордобоем и домашним рукоприкладством.

Ната его оставила, переехав опять к отцу-бедолаге, и видя то, как все её подруги бегут из новой страны, решила тоже попробовать счастья «на стороне». В то смктное время Украина упорно стремилась попасть в число европейских стран, но не благодаря своему развитию и индустрии, которой, в общем-то, почти и не было – кроме несчастливой Чернобыльской станции и доблестного, но устаревшего Донбасса, а скорее благодаря своему стратегическому положению, которое НАТО хотело использовать в своих, несомненно, коварных планах, да и влитие в европейский рынок несколько миллионов новых потребителей, правда, пока неплатёжеспособных, прельщало старушку-Европу.

Ната подумала, посоветовалась с умными бабками-гадалками, которые за деньги вселяли в своих клиентов нужную им уверенность в несомненных и скоро грядущих успехах на личном фронте, и отправилась в гости к подруге, выгодно вышедшей замуж за скандинава, нуждающегося в ежедневном сексе, бесплатном поваре и домработнице, и который из всех возможных в его положении вариантов выбрал украинскую девушку, всегда согласную на всё.

Подруга жила в своём доме с садиком, учила непонятный скандинавский язык, похожий на scarlatinovou плёнку в украинском горле и, казалось, была счастлива. Казалось.

Ната прожила недельку в их доме и попросила подругу дать брачное объявление в местной газете. Подруга, долго сверяясь со словарём, состряпала быстренько объявление, и вот уже через три дня стали приходить письма с предложением встретиться.

Ната выбрала первую предложенную кандидатуру, одела свои лучшие, по украинским стандартам, тряпки – джинсы с обтяжной водолазкой – и поехала на условную встречу, захватив с собой разговорник и губную помаду.

Встреча должна была состояться в маленьком кафе, недалеко от автобусной остановки. Кафе было тёмным и унылым на вид, и там, за единственным занятым столом, сидел грузный мужчина, явно неопределенного возраста, с добрыми, чуть сонными глазами. Ему можно было дать от 30 до 50. Он посмотрел на Нату, улыбнулся и спросил:

– Кофе? – означавшее на всех языках одно и то же – тёмный напиток горьковатого вкуса, сделанный из африканских пережаренных семян, которые щедро опрыскивали вреднейшей химией.

– Да, – по привычке ответила Ната, но потом опомнилась и с улыбкой – еще по-девичьи робкой, прибавила тихо:

– Йя, – означавшее на их языке викингов «да».

Он позвал официантку и заказал два кофе.

Он что-то спросил, а она не поняла и стала смотреть в свой разговорник, низко опустив глаза. Дома, уа Украине, она была преподавательницей французского языка в школе, и у неё был пед. диплом, но тут она стушеввалась.

За эту минуту перед ней промелькнул пьяный отец, похороны матери и свои долгие дни в синяках и подтеках после рукоприкладства своего украинского мужа, и она решилась: не отступать! Да и отступать было некуда. Домой дороги не вели.

В Библии, которую она читала и любила – а была она, как и вся Украина – католичкой, хотя разводы – признавала, как попытку улучшить жизнь – стояло: «Я – дверь!» Так говорил Христос, и Ната почувствовала, что этот человек, сидевший перед ней, с чужими глазами и чужими словами – дверь, дверь в её будущее, и может, единственная. Потерять такой шанс она не могла. Она собралась внутренне и, как участники этих телешоу, соревнующиеся за место на музыкальном Парнасе, решилась. Теперь её выступление. Она широко улыбнулась и сказала давно заготовленную и затверженную в ванной фразу:

– Ду э сёд. Ты мне нравишься.

Так скандинавы обращались друг к другу, когда хотели сказать что-то приятное. Он засмеялся, Ната засмеялась в ответ, и они стали весело пить кофе с сухими кракерами, которые им принесла полная официантка в запачканном переднике, хотя Нате ни кофе, ни кракеры не нравились. Дело было не в чувстве нравится-не нравится, а в необходимости удержания положительного внимания этого некрасивого, просто одетого, с её точки зрения, мужчины. Он был той судейской комиссией, которая решает, прошла ли она на следующий тур в соревнованиях «Фактор Х» или нет.

Он, как в фильмах о туземцах, стукнул себя по груди и сказал:

– Михаил! – и что-то прибавил, что – она не поняла.

Кофе было выпито, Михаил заплатил и спросил её о чем-то. Ната сказала покорно: «да», и они пошли к его старому фольксвагену, стоявшему около кафе.

Ната не спросила, куда же они едут, понимая женским инстинктом, что Михаил пропустил её на второй тур передачи «Фактор Х», которая будет, скорее всего, разворачиваться у него дома и будет включать обнажённые сцены. Ната была готова на всё.

Она была худой, даже слишком худой, за что была бита своим украинским мужем не раз, который вымещал на её костлявом теле подростка, которое было к тому же и бездетно – скорее, из-за её не слишком счастливого детства, и в котором не было места ни пяти литрам крови – у Наты было малокровие и нехватка таинственного витамина B12, своё недовольство жизнью. Зато она была сексуальная, легко возбуждавшая свою плоть до судорог сладкого женского внутреннего, ни с чем несравнимого оргазма.

Оргазм она могла получать и сама, без всякого мужчины, просто сжимая крепко ноги и сокращая крупный розовый клиторис, примерно так же, как это делают борцы, сокращая свои могучие бицепсы. Она могла получить оргазм даже на улице, переходя дорогу и задержавшись на секунду на светофоре, если в толпе видела красивую крутую мужскую задницу в обтягивающих джинсах. Тогда она просто сжимала ритмично свои тощие ноги под одеждой и получала свой «уличный» оргазм.

Мужчина её тоже мог завести, если она сама хотела этого, но, в большинстве случаев, тяжёлый кислый запах тела бывшего мужа вместе с вонючим угарным дыханием и сопением не способствовали её эротическим фантазиям в супружеской постели.

Теперь она знала – от её поведения зависит будущее, и приготавилась, как борец на боксерском ринге, к нокауту судьбы. Она должна пройти этот тур! Должна! Обратного пути на мрачную Украину для неё не было, а виза кончалась через 3 недели.

Они подъехали к маленькому домику, окружённому запустевшим садом. Ната облизнулась. Землю она любила и уже видела в своих фантазиях грядки с клубникой и кусты с пахучей малиной. Они молча поднялись на второй этаж, где была спальня с широкой кроватью и гардеробом. Другой мебели в спальне не было.

Михаил просто стал раздеваться и кивнул Нате головой. Она поняла, сначала хотела изобразить для него какое-то подобие стриптиза, которое она видела по телевизору, но потом увидела, что Михаил отвернулся и аккуратно вешал брюки на вешалку, совершенно не смотря в её сторону.

Она сняла джинсы и свитер, оставшись в трусиках с кружевами и лифчике. Михаил лег в постель и стал манить ее рукой. Она показала пальцем на туалет. Он отрицательно покачал головой. Мыться он не хотел. Она улыбнулась ему – хотя ей очень хотелось сбежать со сцены, и, как раненая собака, она боком села на кровать. Тут Михаил облегчил ситуацию и завалил её на спину, раздвинув ноги Наты своей рукой с толстыми короткими пальцами. Целовать её он не стал, не стал и проверять, готова ли она, а просто запустил в неё свой набухший огурец.

Через три минуты из огурца потекла клейкая жидкость, и Михаил, поохав два-три раза, отвалился от Наты. Она ничего не почувствовала, но где-то внутри знала – и этот раунд она прошла на «ура».

Она встала, пошла в ванную, подмылась и поправила причёску на своих тёмных, красиво подстриженных и по-украински выющихся волосах. Ната вернулась в спальню, где Михаил сидел на кровати и натягивал на себя брюки, аккуратно снятые с вешалки.

– Спасибо, – сказал он с акцентом Нате.

Потом прибавил что-то по-своему. Она просто сказала «йя» – соглашаясь со всем. Они спустились в кухню, где стояла включенная с утра кофеварочная машина с остатками теплого, но абсолютно кисло-блеводного, старого утреннего кофе. Михаил налил две чашки и протянул одну Нате.

– Милк? – спросил он.

– Да, – сказала Ната и улыбнулась, сверкнув крупными белыми зубами. Он открыл холодильник, довольно пустой, где лежал пакет с нарезанной кружочками салями и стояли две коробки – с йогуртом и молоком. Он налил молока Нате, но оно оказалось кислым и тут же свернулось от горького старого кофе, заполнив всю чашку хлопьями, но Михаил этого даже не заметил, а Ната решила, что не стоит делать бучу из-за прокисшего молока, и стала пить эту бурду, храбро улыбаясь. Глаза у неё были зеленоватые, в крапинку, и они темнели, если внутри ей было нехорошо. Теперь они были совсем темными, но она продолжала стоически улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.